

— Владимир Борисович, так как вы стали Иктиандром?

— Это очень банальная история. Я учился в театральном институте, и на четвертом курсе мне предложили эту роль. Не мне одному — было еще несколько артистов, но после кинопроб взяли меня. Я, честно говоря, до сих пор удивляюсь, как такое могло произойти: на главные роли утвердили двух совершенно неизвестных актеров — Настю Вертинскую и меня. (У Насти, правда, уже был некоторый опыт работы, до этого она снялась в «Алых парусах», но все равно она была школьницей, 16-летней девочкой.) Да и как саму картину разрешили снимать — тоже непонятно. Это же неслыханно было в те времена — делать фильм не о героях социалистического труда, а просто о любви.

— Вы можете сказать, кто, кроме вас, пробовался на эту роль?

— Пожалуй, это было бы неэтично.

— Хорошо, а почему выбрали именно вас?

— Я думаю, что режиссер искал совершенно незнакомое, свежее лицо. Этого требовала роль.

— А спортивной подготовки она не требовала? Разряда по плаванию, например?

— Звучит это, может быть, забавно, но плавать я не умел. Ну не то, чтобы совсем не плавал, а с горем пополам держался на воде. И это при том, что мой отец был морским офицером, и жили мы всегда где-то около моря. Так что пока в Ленинграде снимались павильонные сцены, мы с Настей учились плавать. Не знаю, то ли тренер у нас был хороший, то ли мы оказались способными учениками, но после этого Настя вообще не пользовалась услугами дублеров, а я — лишь в самых сложных случаях.

— Больше вам не приходилось играть плавающих персонажей?

— Нет, но я искренне благодарен этому фильму за то, что научился плавать. С тех пор, когда удается поехать к морю, плаваю много и с удовольствием.

— После появления «Человека-амфибии», кажется, все мужское население страны было влюблено в Анастасию Вертинскую, а все женское — в вас. Как вам жилось в этой атмосфере всеобщей любви?

— Совсем даже неплохо. Известность мне помогла в решении массы бытовых проблем: достать билеты на самолет, купить что-то из дефицита и прочая, и прочая... Лукавят те, кто любит посетовать на свою популярность, потому что во многих своих проявлениях это очень приятная вещь. Согласен, она способна испортить актера (особенно если сваливается на голову, когда тебе двадцать), но со мной этого, слава Богу, не произошло.

— Отрицательных моментов популярности вы на себе не испытывали?

— Не знаю, насколько это можно отнести к отрицательным моментам, но когда я, будучи совсем мальчишкой, пришел в Театр Станиславского (в театр, где уже давно сложилась своя табель о рангах), я был гораздо известнее многих мэтров. Случалось, что я выходил на сцену, и зал аплодировал, как бешеный, а рядом стоял прекрасный актер, на которого не обращали никакого внимания.

— В таком случае, вас, наверное, не слишком тепло приняли в коллективе?

— Вовсе нет. Такая зрительская любовь ко мне, может быть, и задевала маститых актеров, но все они были замечательными, талантливыми и умными людьми и, конечно, понимали, что славу киноактера (в силу популярности кино) не сравнить с известностью театральных артистов. Поэтому отношения с коллективом у меня сложились сразу, и вот уже больше тридцати лет я здесь работаю.

— Откуда такое постоянство?

— А я по натуре своей консерватор. Стронник, если можно так выразиться, эволюционного развития, а никак не революционного. Революцию, как способ изменения мира, я не признаю вообще. Поэтому, когда в театре плохо, я стараюсь сделать так, чтобы было хорошо, а не бегаю по другим коллективам. К тому же, у каждого театра есть свое лицо, своя эстетика, и принципы — художественные, нравственные, этические — моего театра мне ближе, чем какие-то к ним были.

— На что еще распространяется ваш консерватизм?

— Да на все. Я же не только театр не меняю. Мне было бы так же сложно поменять свою квартиру, например. И вообще, если бы я жил в Англии, я бы обязательно принадлежал к консервативной партии, а не к лейбористской. Только поймите меня правильно: я не против новаций, я за сохранение традиций, ценностей.

— Самая большая, на ваш взгляд, ценность?

— Семья. Духовность. Все остальное, и экономика в том числе, вторично. Обманывали нас классики марксизма-ленинизма, когда сочиняли свои теории о базисе и надстройке. Наверное, поэтому у нас ни черта и не получилось.

— Несмотря на славное начало вашей карьеры в кино, она, кажется, удалась вам меньше, чем театральная. Но я могу ошибаться...

— Нет, вы правы. Хотя я сыграл довольно много (около тридцати) ролей в кино, я тем не менее не стал киноактером. Может быть, в этом «повинен» театральный институт и мои учителя, но целиком и полностью посвятить себя кино, как, например, Баталов или Тихонов, я не смог. В кино мне всегда не хватало... продолжения. Понимаете, театральный спектакль играется не раз и не два, и каждый раз — по-разному, несмотря на то, что ты произносишь одни и те же слова. Пока он есть в репертуаре, ты работаешь в коллективе, который живет этим спектаклем. В кино все по-другому. Там сошлись, сняли и разошлись. И там нет той энергетике, которая возникает на сцене и переходит в зрительный зал. Киноплёнка ее что ли не пропускает?..

— Та атмосфера, о которой вы сейчас говорили, существует в любом театре?

— В любом театре, у которого есть исто-

Как вы теперь поживаете?

Владимир КОРЕНЕВ:

«Я ОСТАВИЛ ЖАБРЫ РАДИ ТЕАТРА»

У каждого из нас в жизни — свои роли. И мы не всегда знаем, какая из них нам удастся.

Судить об этом не нам...

Владимиру Кореневу

профессией было

суждено сыграть массу

ролей, а счастливой

оказалась самая первая.

Именно та, которую

он сам главной

не считает. Хотя сразу

после выхода

на экраны фильма

«Человек-амфибия»

он проснулся

знаменитым.

рия. Это, знаете, как старая церковь. Приходишь туда и чувствуешь, что тысячи людей со своими горестями и невзгодами побывали здесь до тебя. А новую церковь построили — и нет этого. Потом, конечно, появится, но надо, чтобы масса людей оставила там частицу своей души.

— Вам никогда не приходилось идти против своего желания, соглашаясь на какую-то роль?

— Было время, когда многие спектакли ставились по необходимости, потому что так надо было. Часто это были пустые, неинтересные пьесы и не слишком глубокие образы. Но это было и по-своему интересно — плохую роль «вытянуть» за счет своего мастерства и темперамента... Хотя, по моему личному убеждению, театр не должен быть политическим. Он должен быть про людей, а не про идеи. Театр, замешанный на политике, быстро умирает, потому что меняется политический курс, меняется жизнь. Вы, например, можете себе представить, чтобы кто-то сейчас поставил Шатрова? Конечно, нет. А есть театры (не будем далеко ходить, возьмем хотя бы Таганку), которые всегда играли какие-то остро социальные вещи. Это было их лицом. Но современные писатели молчат, и это естественно, потому что о чем можно писать сегодня? А театру нужно менять курс...

— Как вообще вы воспринимаете сегодняшнюю жизнь?

— Я прихожу к выводу, что наш отечественный капитализм столь же омерзительен, как и отечественный социализм. Гадость, с моей точки зрения, одинаковая. Есть, конечно, какие-то достижения нашего времени, но пороков оно произвело на свет больше. И всех их можно было бы избежать. Во всяком случае, попытаться... Хотя, если без излишнего пессимизма, то все, что мешает нам сейчас жить по-человечески, — временное явление. Я искренне убежден, что мы выберемся из этого кризиса за счет огромного российского потенциала, который во все времена основывался на нашей великой культуре. И на религии.

— Вы верующий человек?

— Я боюсь называть себя верующим, но пока у нас в жизни нет ничего более светлого, чем вера.

— Вы начинали с Иктиандра, потом был еще Робин Гуд в театре, и на этом с романтическими героями было покончено. Почему?

— Потому что остаться Иктиандром навеки было бы для меня трагедией. Я был

очень напуган перспективой запомниться зрителям исключительно как человек с жабрами, который только и может что плавать под водой. И я начал планировать свою актерскую жизнь, отказавшись от ролей такого плана и соглашаясь только на характерные и комедийные роли. Я играл комо, даже глубоких стариков, но только не романтических личностей. Актер вообще должен меняться, быть разным, в этом перерождении есть свой кураж. Хотя сейчас уже наступило время, когда мне хочется играть от себя, а не от какого-то характера. Но для этого нужен такой спектакль, в котором это было бы возможно, — по Чехову, Ибсену...

— А существует ли такая роль, которую вам очень хотелось бы сыграть, но вы знаете, что не получится?

— Конечно, есть. Я, например, никогда уже не сыграю Ромео в силу своего возраста. И это очень грустно, потому что, когда ты молод, ты можешь, но не умеешь, а потом умеешь, но уже не можешь.

— Вы могли бы перечислить такие вещи, о которых можете сказать: «Я люблю это...»?

— Я люблю самые простые человеческие радости: свой дом, семью, друзей, застолье, люблю возиться у себя в огороде, книжки свои люблю. Нельзя, будучи человеком нашей профессии, быть оторванным от жизни. Напротив, надо ее очень хорошо знать, быть осведомленным о человеческих страстях, слабостях, привязанностях. Самое страшное — это когда ты теряешь вкус ко всему этому. Тогда и профессия актера теряет свой смысл... Хотя, может быть, я слишком здоровый человек, а кто-то смотрит на мир с совсем другой колокольни.

— А сами-то вы подвержены всем этим страстям или же вы просто наблюдатель?

— А как же, конечно, подвержен! Я натура совершенно не нюрдическая со всеми вытекающими из этого последствиями.

— Вы азартный человек?

— Да, но мой азарт не распространяется на традиционную для этого область — денег и игр. Я в другом азартен. Чего-то добиваться, сделать что-то по-своему, завоевать зрителя — в этом мой азарт.

— Считается, что детям не стоит идти по стопам родителей, а ваша дочь, между тем, стала актрисой. Вы этим довольны?

— У нас всегда считалось, что династия хлеборобов или трактористов — это хорошо, это почетно, а вот династия, например, директоров мясных магазинов — это уже из разряда подозрительного. К таким «подозрительным» династиям относили почему-то и актерские. Но я, напротив, убежден, что если ребенок вырос в театральной семье, он лучше других знает, что такое актерский труд и почем наш хлеб. В нем с самого рождения воспитывается уважение к театру и к профессии. Существует, правда, мнение, что на детях гениев природа отдыхает (я не спорю, иногда кажется, что она не только отдохнула, она просто выпалась на некоторых чужаках). Но я не гений, а всего-навсего профессиональный актер, поэтому к моей дочери это не относится. Она очень способный человек.

— Продолжения вашей династии в третьем поколении не предвидится?

— Пока об этом рано говорить, потому что представителю третьего поколения — моему внуку Егору — всего год и четыре месяца. И сейчас о его профпригодности сказать нечего.

— Вам никогда не приходилось жалеть о том, что вы не смогли проявить себя в какой-то другой области, не в актерской?

— О нет, такие мысли никогда меня не посещали. Разумеется, есть много замечательных профессий, и я ценю их, но у меня не возникало желания заниматься чем-то кроме своего дела. Кто-то сказал, что актер — это не профессия, это — национальность. Очень справедливое, на мой взгляд, высказывание. Это работа, и в то же время — образ жизни. Мне нравится так жить, я люблю театр, я люблю людей театра и, думаю, вряд ли смог бы жить как-то иначе.

Лариса ХАВКИНА

Фото Сергея ШАХИДЖАНИЯ

